

ГРАНДМАСТЕР
ИСТОРИЧЕСКОГО
РОМАНА

книги для искушенного читателя

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

**В ближайшее время вас ждут новинки
в других сериях издательства «ГрандМастер»**

Мировой бестселлер — триллер Дэвида Болдаччи
«Последняя миля»

Культовый исторический детектив «Квинканкс»
в 2 томах от известного шотландского писателя
Чарльза Паллисера.

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ВОЙНА РОЗ

воронья
щпора

ГРАНД МАСТЕР

МОСКВА
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
И26

Conn Iggulden

WARS OF THE ROSES 4: RAVENSPUR

Copyright © 2016 by Conn Iggulden

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Иггульден, Конн.

И26 Война роз. Воронья шпора / Конн Иггульден ; [пер. с англ. Ю. Р. Соколова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Грандмастер исторического романа).

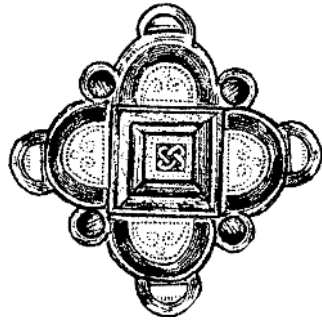
ISBN 978-5-699-97114-5

Англия, 1470 год. Продолжается «игра престолов». Война за корону длится уже многие годы, но ни одному из властителей не удается надолго задержаться на троне. Пока царствует Эдуард IV из дома Йорков, на гербе которого изображена белая роза. Но его бывший друг и наставник — а ныне злейший враг — граф Уорик уже готовится свергнуть молодого короля и снова вернуть власть Генриху VI из дома Ланкастеров — алой розе. Жена Генриха Маргарет и их сын, наследник престола, ждут этого момента во Франции, готовые в любой момент вернуться на берега туманного Альбиона. Но и Эдуард, искусный воитель и прирожденный лидер, ни за что не отдаст власть без яростной борьбы. А тем временем в Бургундии затаились бежавшие из страны Тюдоры — старший, Джаспер, и его молодой племянник Генри, — и у них свои виды на английскую корону. Притязания эти, правда, почти смешотворны, но чего только не бывает во время великой смуты...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Соколов Ю. Р., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97114-5

В пятнадцатом столетии Англией правили два родственных друг другу королевских дома. Старшая линия, Ланкастеры, занимала трон в течение трех поколений — пока не заболел король Генрих VI. Тут поводья перехватила младшая линия, Йорки, — и началась война.

Два короля не могут править одновременно. И в 1461 году Эдуард Йоркский соединил свою рать с войском графа Ричарда Уорика, чтобы решить судьбу короны на поле брани. Дом Ланкастеров потерпел поражение, а королева Маргарет бежала вместе с сыном во Францию, оставив своего мужа Генриха узником лондонского Тауэра.

Король Эдуард IV женился на Элизабет Вудвилл, которая настроила его против графа Уорика. После бесконечных провокаций граф Ричард огрызнулся и отправил своего сюзерена в тюрьму. А кроме того, разрешил брату короля Джорджу, герцогу Кларенсу¹, жениться на его дочери.

Хотя Уорик в конечном итоге освободил Эдуарда, их дружбе уже не было суждено возродиться.

¹ Герцог Кларенс — герцогский титул, традиционно присваиваемый младшим членам английской и британской королевской семьи.

Эдуард обвинил в Ричарда в измене и послал людей арестовать его.

В результате цепи событий, описанных в романе «Война роз. Право крови», Уорик бежал и покинул Англию с находящейся на сносях дочерью и зятем, герцогом Кларенсом. Лишенный спокойного уголка младенец родился и сразу же умер на море, еще до высадки на берег. Отвергнутые друзьями и родственниками Уорик и Кларенс нашли убежище во Франции.

Французский король Людовик XI понял, что ему представилась редкая возможность. Он предоставил Уорику и Кларенсу наемное войско и корабли для высадки. В сентябре 1470 года изгнанники возвратились на берег Англии. Сильный ветер, препятствовавший высадке, мел по земле золотые, рыжие и белые листья. Наступило время возмездия.

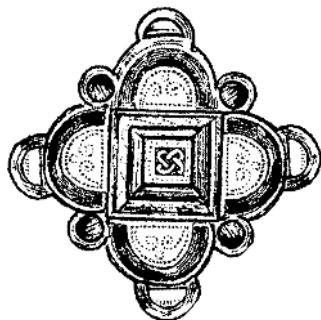
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1470

Не верь тому, кто договор единожды
нарушил.

*У. Шекспир. «Генрих VI»,
часть III, действие IV, сцена 4*

Река змеиным хвостом огибала Пембрукский замок. Зимнее солнце бросало красные отблески на стены. Высокая и гордая, как кафедральный собор, твердыня поднималась над остальными зданиями.

Подъезжая к караульной башне, незнакомец опустил руки на луку седла, проведя пальцем по порванному стежку. Конь его устал, и голова животного клонилась вниз, словно пытаясь высмотреть на камнях нечто съедобное. По сравнению с взиравшими со стены стражниками Джаспер Тюдор¹ казался черным, как пастух. Волосы его густым, похожим на войлок слоем покрывала дорожная пыль. Она лежала и на его плечах, и на прятавшемся в тених лице, ибо солнце уже зашло и день уступал место ночи. Он устал, однако

¹ Джаспер Тюдор (также известен как Тюдор из Хетфилда, ок. 1431—1495) — граф Пембрук (1452—1461 и 1485—1495), 1-й герцог Бедфорд с 1485 года, лорд Гламорган с 1486-го, юстициарий Южного Уэльса и наместник Ирландии в 1486—1494 годы, валлийский военачальник, сторонник Ланкастеров во время войны Алой и Белой розы; второй сын Оуэна Тюдора и французской принцессы Екатерины Валуа, дядя короля Англии Генриха VII.

глаза его не знали покоя, наблюдая за каждым движением на стене. Каждый раз, когда стражник поворачивался к внутреннему двору или обращал взгляд к находящемуся внизу офицеру, Джаспер внимал, прислушивался и судил. Он знал, когда весть о его появлении пришла к хозяину замка. Знал, на сколько ступеней нужно тому подняться, чтобы попасть к заложенным на железный засов внешним воротам, служившим первой из дюжины преград на пути попытавшегося прорваться в замок врага.

Стараясь прогнать гнев, который он ощущал только оттого, что приехал к этому замку, Тюдор отсчитывал про себя время, представляя себе каждый поворот каменных ступеней... Наконец, рот его дрогнул, когда Уильям Герберт появился возле зубцов стены. Молодой граф посмотрел на приезжего сверху вниз — красные пятна на его лице свидетельствовали о владевшей им буре эмоций. Новому владельцу Пембрука, краснолицему скандалисту, было всего семнадцать лет, и он еще не успокоился после смерти отца. Похоже было, что появление глядевшего на него снизу смуглого и жилистого мужчины не доставляло графу Герберту особого удовольствия. Это следовало как из выражения лица молодого человека, так и из манеры, с которой его толстые пальцы впивались в камень стены.

Некогда, дюжину лет назад, Джаспер Тюдор был графом Пембрукским. И ему трудно было не вознегодовать, увидев наверху своей собственной стены этого надменного, годящегося ему в сыновья мальчишку. Граф Уильям Герберт взирал на него, сощурившись — так, словно он только что проглотил нечто кислое или неприятное. Голова молодого человека была широкой — не жирной, а именно широкой, а лоб его венчала прямая прилизанная челка. Под взглядом юноши Тюдор чуть склонил голову в знак приветствия. Ему было бы проще иметь дело со старым Гербертом, доживи тот до сегодняшнего дня. Старик умер не слишком достойной смертью, не принесшей новых почестей его роду. Он не пал с отвагой на поле брани — его просто без особого сожаления зарубили, когда Ричард Уорик захватил в плен короля Эдуарда. Незначитель-

ная утрата осталась в то время незамеченной, растворившись в тени великого греха Уорика, наложившего свои руки на короля. Но в Пембруке это событие повергло в траур весь город.

Окутанный сгущающимися сумерками Джаспер нервно глотнул.

Отблески света возникали и прятались за зубцами стены, когда одетые в металл стражи переступали с ноги на ногу. Тюдор понимал, что знание их положения не дает ему никаких преимуществ. От арбалетного болта не ускачешь.

По небу ползли облака, озаренные снизу последними лучами заходящего солнца. Там, на стене, новый граф, наконец, потерял терпение и нарушил молчание, дававшее ему известное преимущество, ибо при всем его горе и предпочтительном положении немного найдется семнадцатилетних парней, способных вынести каменное молчание сорокалетнего мужчины.

— *Итак?* Что вам нужно здесь, мастер Тюдор? — Молодой граф явно находил кое-какое удовольствие в отсутствии у неожиданного гостя благородного титула. Джаспер Тюдор приходился сводным братом королю Генриху. Дом Ланкастеров высоко вознес его, и взамен он сражался под его знаменем, выйдя на поле брани против восемнадцатилетнего Эдуарда Йоркского, еще рыдавшего от ярости после смерти своего отца. Джаспер невольно поежился, припомнив это чудовище в броне, алой, как отблески солнца на стенах Пембрука.

— Желаю тебе доброго господнего дня и предаюсь тебе, — произнес Тюдор. — Я приплыл из Франции на этот берег, опережая все новости. Приходили ли к тебе известия из Лондона?

— Неужели твоя валлийская глотка слишком толста, чтобы назвать меня лордом? — осведомился Уильям Герберт. — Я — граф Пембрука, мастер Тюдор. И если ты приехал к моим воротам, чтобы попросить еды или денег, то будешь разочарован. Оставь свои новости при себе. Твой ланкастерский сброд и твой нищий *узник*-король не имеют надо мной власти. Мой отец отдал свою жизнь, защищая *законного* короля Англии, Эдуарда Йоркского. — Молодой человек скривился: — А ты, Тюдор, как мне кажется, был *опозорен*, лишен всех почестей, титулов и состояния. Я мог бы приказать убить тебя прямо

на этом месте! Пембрук мой. И все, что принадлежало моему отцу, — *мое*.

Джаспер кивнул, словно услышав достойный внимания аргумент. Он видел бравату в молодом человеке и понимал, что она прикрывает слабость. И еще раз пожалел, что имеет дело не со старым графом, который был человеком чести. Впрочем, так уж пошло после начала войны. Добрые люди умирали, и им наследовали — на добро или зло — их сыновья... Тюдор мотнул головой, к которой липли сальные пряди. Он и сам принадлежал к числу таких сыновей, наверное, уступая в доблести собственному отцу Оуэну. Хуже того, за годы изгнания Джаспер не нашел себе жены и не завел собственных сыновей. И если б французский король не выделял ему пособие как своему кузену, подумал Тюдор, он вполне мог бы умереть с голоду в полном одиночестве и без гроша в кармане.

Тем не менее Джаспер оставался верным королю Генриху и королеве Маргарите Анжуйской, пребывавшей в отчаянном и униженном состоянии.

Джаспер на мгновение опустил глаза — надежды его гасли под презрительным взглядом графа. И все же он стоял перед воротами Пембрука, который прежде принадлежал ему самому. Вид этих стен отзывался в сердце его сладкой болью, само присутствие здесь приносило ему утешение, рождая желание протянуть руку, погладить камни... Он не мог посрамить себя перед этими стенами и снова поднял голову.

В крепости этой находился тот, кого он любил, как родного сына, и желание повидать этого юношу было истинной причиной поездки сюда. Джаспер Тюдор приехал в Пембрук не ради обвинений или отмщения. Течение дел людских призвало его домой из Франции, и он попросил у Уорика разрешения предоставить ему время на личную поездку. Пока большой флот боролся с открытым морем, его корабль взял курс прямо на запад.

Глянув вдоль стены, Джаспер не увидел никаких признаков появления сына его родного брата, уже четырнадцать лет находившегося здесь в качестве то ли воспитанника, то ли узника.

— Я привык думать, что Пембрук далек от лондонских дел, новостей и обычаев, — проговорил Тюдор, постаравшись, чтобы голос его разнесся подальше. — Как-никак две недели трудной езды по дорогам на сменных конях... Доехать можно, но не без труда. Но зимой дороги превращаются в трясину, и тогда легче обойти на корабле берег Корнуолла, хотя этот путь столь же долог и более опасен. Я и сам страшусь этих зимних штормов, которые способны вдребезги разбить корабельный корпус и утопить всех, кто рискнул выйти в открытое море, да благословит Господь их души.

Слова текли, взгляд графа постепенно стекленел, и наконец, молодой человек недовольно тряхнул головой.

— Ты не войдешь в этот замок, мастер Тюдор, — отрезал Герберт, теряя остатки терпения. — Нечего устраивать здесь свои валлийские штучки — я не открою для тебя ворота. Говори, зачем приехал, и уезжай в свои сырые леса, к своему шатру, и лови зайцев себе на обед. Живи, как подобает грязному и голодному разбойнику, каковым ты и являешься; ну а я буду наслаждаться уютом Пембрука, жареной бараниной и всеми благами, которые сулит доверие короля Эдуарда.

Стараясь сдержать вспышку гнева, Джаспер потер челюсть большим пальцем. Он до сих пор любил Пембрук, каждый его камень, каждую арку и зал, помнил кладовую, полную вина и зерна, копченых козьих и бараньих ножек... Он охотился во всех окружающих замок лесах, и Пембрук оставался его домом, как никакое другое место в мире. В детстве он мечтал стать лордом, владельцем отменного собственного замка. И когда мечта его исполнилась, Джаспер Тюдор был удовлетворен. У сына солдата не может быть большей мечты.

— Не знаю, слышал ли ты об этом, *милорд*, но течение переменилось. Граф Уорик вернулся домой с флотом и войском. — Джаспер помедлил, подбирая нужные слова.

Услышав это имя, молодой граф распрямылся и стиснул руками камень, словно собираясь отломить от стены кусок и бросить вниз. Тюдор же неторопливо продолжил, стараясь, чтобы слова его были слышны не только в надвратной башне:

— Он собирается восстановить на троне Ланкастера, милорд. И выжечь Йоркскую породу каленым железом. Я не угрожаю, но хочу дать тебе добрый совет, чтобы ты смог выбрать сторону, на которую станешь, еще до того, как тебя заставят сделать это, угрожая мечом. А сегодня я приехал за своим племянником, милорд. За Генри Тюдором, сыном моего брата Эдмунда и Маргарет Бофор. Здоров ли он? И благополучен ли в замке?

Пока граф Пембрукский открывал рот, чтобы ответить, Джаспер заметил движение на стене: между зубцами мелькнуло белое лицо, обрамленное густыми черными волосами. Юношеское, еще не заросшее мужской бородой. Джаспер постарался не показать, что заметил его.

— *У тебя* нет никаких прав на него, — оскалился Уильям. — Мой отец заплатил за право опеки над ним тысячу фунтов. Я вижу, что край твоего плаща потрепан, Тюдор. Отсюда видно, что камзол твой засален и покрыт пылью. Можешь ли ты вернуть мне эту тысячу фунтов?

Насмешливая улыбка исчезла с лица молодого человека, когда Джаспер вытащил из-за спины сверток из парусины и кожи. Подняв его вверх, он потрянул золотыми монетами и проговорил без нотки триумфа в голосе:

— Могу.

Он читал свою победу на лице графа — и понимал, что она ничего не значит.

— В самом деле? Может быть... — Герберт пожевал губами, словно ярость густым комком застыла в его горле, — ...в этой твоей сумке найдутся также *годы*, потраченные на его воспитание? Годы жизни моего отца? И его доверие? — Слова полились живее, самообладание возвращалось к Уильяму. — Она слишком мала, чтобы вместить все это, Тюдор.

Было ясно, что все решит воля молодого графа вне зависимости от того, что будет сказано или кто победит в перебранке. Одному человеку не взять штурмом ворота Пембрука. И десяти тысячам — тоже.

Вздохнув, Джаспер убрал сверток подальше от глаз. Что ж, по крайней мере, он не будет в долгу у французского короля

после того, как вернет заем. Потерев лоб ладонью, якобы от усталости, Тюдор спрятал свои глаза от стоявшего в тридцати футах над ним графа, чтобы украдкой взглянуть на своего племянника. Старший Тюдор не хотел, чтобы мальчика попусту отослали прочь со стены. Но если он, Джаспер, обратится к племяннику напрямую, то Герберту хватит злости, чтобы вовсе отравить ему жизнь или даже подвергнуть ее опасности. И когда бывший хозяин Пембрука заговорил, слова его предназначались в равной мере ушам Генри Тюдора и молодого графа.

— Ты получил возможность проявить толику доброй воли, *милорд*, — сказал он, поднимая голову. — Прошлое ушло безвозвратно, и наши отцы похоронены. Ты стоишь на том месте, где когда-то стоял я в качестве графа, — и Пембрук твой. Годы уходят, милорд, а мы не можем вернуть назад день или даже один *час*, чтобы изменить принятое решение, когда у нас был выбор.

Молчание графа ободрило Джаспера — во всяком случае, молодой человек больше не ругался и не грозил.

— Эдуард Йоркский сейчас на севере, милорд, далеко от своих ратей и дворцов. И он уже опоздал! — горделиво промолвил Тюдор, стараясь, чтобы его слышали все кругом. — Уорик возвратился в Англию! С огромным войском, набранным в Кенте и Сассексе... и во Франции. Ну а такие люди, как он, заставляют даже королей склонять свое ухо, чтобы услышать, что они говорят. Эти люди другой породы, чем я или ты, милорд. Смотри, граф Уорик выпустит Генриха Ланкастера из Тауэра, вернет его на престол. *Это* и есть твой законный король — и мой сводный брат! А я, милорд, отвезу моего племянника в Лондон. И потому прошу тебя передать его на мое попечение, с доброй верой и по твоему милосердию. Я оплачу затраты твоего отца, даже если для этого мне придется отдать все, что у меня есть.

Пока они говорили, на стене появились факелы и мерцающие фонари, как будто прогнавшие собой остатки дневного света. Озаренный золотым огнем, Уильям Герберт не стал ждать и сразу ответил на прозвучавшее предложение: